

ВЕРА МОРОЗОВА



ЗАМЕРЗШАЯ
КАРУСЕЛЬ

Вера Морозова

Замерзшая карусель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72689836

SelfPub; 2025

Аннотация

Старинный парк аттракционов в провинциальном Сосновске должен был стать символом возрождения, но обернулся предвестником кошмара. После реставрации его сердце, заброшенная карусель, вновь запела свою забытую мелодию. И город начал засыпать. Один за другим жители впадают в странный транс, их безвольные тела бредут к ржавым лошадкам, замершим десятилетия назад после страшной трагедии. Молодая журналистка Алиса Волкова, чей младший брат стал одной из первых жертв этого призрачного зова, отказывается верить в мистику. Она объединяет усилия с Кириллом Орловым, потомком того самого владельца парка, на чьей семье лежит тень старого проклятия. Им предстоит погрузиться в пучину городских легенд и забытых тайн, чтобы понять, какая злая сила пробудилась вместе со скрипучей музыкой и как разорвать этот смертельный круг, пока весь город не уснул вечным сном под аккомпанемент замерзшей карусели.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вера Морозова

Замерзшая карусель

Глава 1

Алиса Волкова ненавидела запах сахарной ваты. Он был липким, приторным, как фальшивая улыбка мэра, расплывшаяся сейчас на огромном баннере над входом в Городской парк культуры и отдыха. «Сосновск – город будущего!» – гласил лозунг под улыбкой. Алиса хмыкнула, поплотнее запахивая тонкую куртку. Будущее пахло прошлогодней листвой, сырым асфальтом и безнадеей, которая въелась в обшарпанные фасады пятиэтажек, окружавших этот островок показушного благополучия.

Она пришла сюда по заданию редакции. Осветить торжественное открытие парка после реставрации. «Больше позитива, Алиса, – сказал ей вчера главный редактор, седовласый и усталый Сурков, не отрываясь от кроссворда. – Людям нужна надежда, а не твои расследования про прорванные трубы». Надежда. В Сосновске надежда была товаром дефицитным, как горячая вода в межсезонье. Ее выдавали строго дозированно, по праздникам, в виде воздушных шариков и бесплатных порций мороженого. Сегодня был как

раз такой день.

Толпа гудела. Родители с детьми, пенсионеры, стайки подростков в одинаково модных, но уже потертых кроссовках. Все они с жадностью вдыхали этот бесплатный воздух праздника, пытаясь поверить, что кричащие цвета новых аттракционов способны закрасить серую действительность. Алиса щелкала затвором старенького «Никона», ловя в объектив нужные кадры: вот мэр перерезает красную ленточку, вот смеющаяся девочка тянется к тому самому облаку сахарной ваты. Фактура для статьи. Ложь, упакованная в глянцевые фотографии и обтекаемые формулировки. «Долгожданный подарок горожанам», «символ возрождения», «новая жизнь старого парка». Она уже мысленно верстала этот текст, подбирая самые беззубые и пафосные эпитеты. Работа такая. Профессия, которую она когда-то выбрала, чтобы говорить правду, в Сосновске превратилась в искусство молчания о главном.

– Алис, ну ты чего такая кислая? – рядом материализовался Миша. Ее младший брат, ее головная боль и ее единственная настоящая привязанность в этом городе. Девятнадцать лет, ветер в голове, в ушах вечно какие-то наушники, из которых доносился неразборчивый рэп. Он увязался за ней, соблазнившись обещанием бесплатного концерта какой-то местной группы.

– Я не кислая, я работаю, – буркнула она, не опуская фотоаппарат.

– Да ладно тебе, посмотри, как круто все сделали! – он обвел рукой площадь. – Ярче, чем в Москве твоей.

Алиса промолчала. Вчера они сильно поссорились. Он опять заговорил о том, чтобы бросить колледж и уехать авто-стопом «искать себя». Она, уставшая после очередной перепалки с редактором и измотанная бытом, сорвалась. Накричала, что он инфантильный эгоист, что он не ценит ничего, что она вкалывает на этой паршивой работе в том числе и ради него. Он хлопнул дверью. Утром они делали вид, что ничего не было, но между ними висело холодное, колючее молчание. И сейчас его попытка быть веселым резала ее по живому. Чувство вины было знакомым, привычным спутником.

Она опустила камеру и устало посмотрела на брата. Он был светлый, высокий, совсем не похожий на нее, с вечной мальчишеской улыбкой на губах. Ей отчаянно хотелось, чтобы у него все получилось. Чтобы он вырвался из этого города, из этой серости. Но она боялась. Боялась, что большой мир сломает его, такого наивного и открытого.

– Пойдем, пройдемся, – предложил Миша, заметив перемену в ее настроении. – Говорят, там в глубине старую карусель оставили. Помнишь, как мы в детстве?..

Алиса помнила. Старый, заброшенный парк был их тайным королевством. Они лазали через дыру в заборе, бродили по заросшим аллеям, воображая себя первооткрывателями. А карусель была сердцем этого королевства. Огромная, с деревянными лошадками, у которых облупилась краска, а вместо глаз были черные дыры. Она не работала уже тогда, казалась застывшим во времени призраком. Но они часами сидели на ее неподвижном помосте, рассказывая друг другу секреты.

Они двинулись вглубь парка, мимо новых, визжащих и сверкающих аттракционов. Чем дальше они уходили от центральной аллеи, тем тише становились звуки праздника. Асфальт сменился потрескавшимися плитами, сквозь которые пробивалась трава. Здесь реставрация закончилась, уступив место запустению. Ржавые остовы старых качелей торчали из земли, как ребра давно умершего чудовища. Воздух стал холоднее, пах хвоей и сырой землей. Вековые сосны смыкались над головой, отсекая блеклый осенний свет.

И тут они ее услышали.

Это была музыка. Тихая, едва различимая, словно доносилась из старой музыкальной шкатулки. Простая, повторяющаяся мелодия, похожая на колыбельную. Она была неуместна здесь, среди этого праздничного гвалта, и от этого казалась странной, потусторонней.

– Слышишь? – Миша остановился, прислушиваясь. Наушники болтались у него на шее. – Откуда это?

– Наверное, из динамиков где-то, – пожала плечами Алиса, хотя сама чувствовала, как по спине пробежал холодок. Музыка была слишком чистой, слишком... аналоговой для современных динамиков. В ней слышался скрип механизма, легкое дребезжание.

Они вышли на небольшую поляну, и Алиса замерла. Вот она. Карусель. Ее не тронули. Она выглядела точно так же, как и двадцать лет назад. Огромный гриб с потемневшей от времени крышей. И лошадки. Десяток деревянных лошадок с потрескавшимися боками и сколотыми гривами, застывших в вечном беге. Их нарисованные глаза смотрели в никуда с выражением какой-то невысказанной печали. Вокруг карусели была натянута сигнальная лента, привязанная к кольшкам. «Опасно! Реставрационные работы не завершены».

Музыка доносилась именно отсюда. Из самых недр старо-

го механизма. Она то затихала, то возникала вновь, навязчивая, печальная и бесконечная.

– Ничего себе, – выдохнул Миша. – Починили, что ли?

Он сделал шаг к ленте, и Алиса увидела, как изменилось его лицо. Веселость исчезла, уступив место странному, отсутствующему выражению. Глаза его были широко раскрыты, но смотрели не на карусель, а словно сквозь нее. Он медленно, как во сне, пошел вперед, протягивая руку.

– Миш, ты чего? Стой! – крикнула Алиса. В ее голосе прозвучали нотки паники, которую она сама от себя не ожидала.

Он не слышал. Он шел к карусели, как мотылек на свет, как утопающий к спасительному берегу. Его движения были плавными, не свойственными ему в обычной жизни. Словно невидимая нить тянула его к этим облезлым деревянным лошадкам.

– Миша!

Алиса бросилась за ним, схватила за рукав куртки. Его рука была ледяной. Она с силой дернула его назад. Он споткнулся, моргнул, словно очнувшись от сна. Растерянно посмотрел на нее, потом на карусель.

– А? Что?

– Что «что»? Ты куда поперся? Там же лента, – Алиса старалась, чтобы ее голос звучал сердито, а не испуганно.

– Не знаю... – он потер затылок. – Музыка такая... красивая. Захотелось поближе посмотреть.

– Посмотрели, и хватит. Пойдем отсюда, тут холодно, – она потянула его за собой, подальше от этой поляны, от этой странной музыки, от пустых глаз деревянных коней.

Они вернулись в шумную, живую часть парка, но ощущение праздника исчезло безвозвратно. Миша всю дорогу молчал, и его молчание было другим – не обиженным, а каким-то пустым. Он больше не улыбался. Алиса украдкой поглядывала на него, и тревога сжимала ее сердце ледяными пальцами. Она списала все на усталость, на магнитные бури, на что угодно, лишь бы не признаваться себе, что увиденное ее по-настоящему напугало.

Дома он сразу ушел в свою комнату. Алиса села за ноутбук, пытаясь выдать из себя дежурную статью. «Сегодня для всех жителей Сосновска наступил настоящий праздник...» Строчки не шли. Перед глазами стояла карусель и

замороженное лицо брата. Она закрыла ноутбук.

– Миш, будешь ужинать? – крикнула она в коридор.

Ответа не было. Раздраженно вздохнув, она пошла к его комнате. Дверь была приоткрыта. Миша стоял у окна, спиной к ней, и смотрел на темные огни города. В комнате было тихо, но Алисе показалось, что она слышит, как он что-то тихо напевает. Ту самую мелодию. Простую, как колыбельная, и бесконечно печальную.

– Миша?

Он медленно обернулся. Его глаза были такими же, как там, в парке. Пустыми. Он сделал шаг к ней, второй. А потом его ноги подкосились, и он рухнул на пол, как сломанная кукла.

Паника ударила Алису под дых, вышибая воздух из легких. Она бросилась к нему, трясла за плечи, кричала его имя. Но он не отвечал. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, кожа – холодной и бледной. Дыхание едва угадывалось.

Она не помнила, как набрала номер скорой. Как отвечала на вопросы диспетчера. Все происходило словно в тумане.

не. Единственной реальностью был лежащий на полу брат и пронзительный вой сирены, который становился все громче, заполняя собой не только улицу, но и все ее существо, вытесняя все, кроме липкого, всепоглощающего ужаса. Ужаса, который пах сахарной ватой и старым, прогнившим деревом.

Глава 2

Больничные коридоры пахли одинаково во всех городах мира. Смесью хлорки, лекарств и тихого, застарелого страдания. Алиса сидела на жестком стуле напротив ординаторской, вцепившись в ремешок сумки так, что побелели костяшки пальцев. Она была здесь уже шесть часов. Шесть часов, которые растянулись в мучительную вечность. За это время мир успел схлопнуться до размеров этого гулкого, тускло освещенного коридора и белой двери, за которой скрывалась неизвестность.

Наконец дверь открылась. Вышел врач, заведующий отделением реанимации, Петр Сергеевич. Мужчина лет пятидесяти, с лицом, похожим на высеченную из камня маску усталости. Он посмотрел на Алису поверх очков, и в его взгляде не было ничего. Ни хороших новостей, ни плохих. Пустота.

– Волкова? – спросил он, хотя в коридоре больше никого не было.

– Да. Что с ним? Что с моим братом? – Алиса вскочила, слова вылетели быстрее, чем она успела их обдумать.

– Состояние стабильно тяжелое. Он в коме, – врач гово-

рил ровным, безэмоциональным голосом, каким зачитывают приговор. – Подключен к аппарату жизнеобеспечения.

– Кома? Но почему? Что случилось? Это... это сердце? Инсульт?

Петр Сергеевич снял очки и устало потер переносицу.

– В том-то и дело, Алиса Андреевна. Мы провели полное обследование. ЭКГ, МРТ головного мозга, токсикологический анализ крови. Все показатели в пределах возрастной нормы. Никаких патологий, никаких следов ядов или наркотических веществ. Организм абсолютно здоров. Но он не просыпается. Его мозг просто... отключился. Как будто кто-то щелкнул выключателем.

Алиса смотрела на него, силясь понять смысл сказанного. Здоров, но в коме. Это было абсурдно, нелогично, как задача из учебника по высшей математике.

– Но так не бывает! Должна же быть причина!

– Медицина – не всегда точная наука, – вздохнул врач. – Мы наблюдаем. Поддерживаем жизненные функции. Это все, что мы можем сделать на данный момент. Можете пройти к нему. Пять минут.

Палата интенсивной терапии была залита холодным светом и наполнена тихим писком аппаратуры. Миша лежал на кровати, опутанный проводами и трубками. Он казался чужим, ненастоящим. Восковая фигура из музея. Алиса осторожно коснулась его руки. Холодная. Такая же холодная, как тогда, у карусели. Ее пронзило острое, невыносимое чувство вины. Вчерашняя ссора вспыхнула в памяти огненными буквами. «Инфантильный эгоист». Последние слова, которые он от нее слышал. Слезы обжигали глаза, но она не позволяла им пролиться. Плакать – значит сдаться. А она не сдастся. Она вытащит его.

Она вернулась домой под утро. Квартира казалась огромной и пустой. Тишина давила на уши. Алиса сделала себе крепкий кофе и села за ноутбук. Если врачи не могут найти причину, значит, она найдет ее сама. Она была журналистом. Ее работа – задавать вопросы, сопоставлять факты, искать то, что скрыто.

Она начала с самого очевидного. Что они ели? Пили? Обычная домашняя еда. Ничего нового. Где они были? В парке. Сотни людей были в парке. Почему только Миша? Она снова и снова прокручивала в голове события вчерашнего дня. И каждый раз ее мысли возвращались к одному и тому же моменту. К старой карусели. К тихой, навязчивой

музыке. К пустому взгляду брата.

Это была ерунда. Бред. Мистика, в которую она не верила. Должно быть рациональное объяснение. Газ. Может, из-под земли в том месте выходил какой-то газ? Или какой-то инфразвук, влияющий на мозг? Алиса вбивала в поисковик самые дикие запросы: «массовые галлюцинации», «влияние музыки на сознание», «случаи внезапной комы без причин». Интернет выдавал тонны мусора: от научных статей до форумов уфологов.

Ей нужен был факт. Зацепка. Она надела куртку и поехала в редакцию.

«Сосновский вестник» располагался на первом этаже сталинского дома. Сурков уже сидел на своем месте, источая запах вчерашнего перегара и типографской краски.

– О, Волкова. Статью принесла? – нехотя спросил он.

– Будет статья, Аркадий Павлович. Но у меня другое. У меня брат в реанимации.

Сурков на мгновение оторвался от газеты. В его глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– Соболезную. Что стряслось?

– Врачи не знают. Он просто потерял сознание. Вчера, после открытия парка.

Алиса внимательно смотрела на редактора. Он отвел взгляд.

– Слушай, Алис, дело серьезное. Но не надо сейчас... искать связи там, где их нет.

– А где они есть? – наредила она. – Вы что-то знаете?

Сурков вздохнул и вытащил из ящика стола бутылку с минералкой.

– Ночью мне звонили из мэрии. Просили «не раздувать панику». По городу поползли слухи. Твой брат, оказывается, не единственный. Еще трое. Два парня и девушка. Все примерно того же возраста. И все живут в районе парка.

У Алисы перехватило дыхание. Вот она. Зацепка.

– Что с ними?

– То же самое. Внезапная кома. Без видимых причин.

– И какая официальная версия?

– Утечка какого-то промышленного газа с заброшенного химзавода. Ветер, мол, подул в сторону парка. Сейчас там МЧС работает, замеры делает. Нам велено дать именно эту информацию. Спокойно, без нагнетания. Власти держат ситуацию под контролем.

Алиса смотрела на него и видела не редактора, а трусливого чиновника. «Не раздувать панику». Любимая фраза властей, когда они понятия не имеют, что происходит.

– Это бред, Аркадий Павлович. Химзавод стоит в десяти километрах от парка, в другой стороне. И почему газ подействовал только на четверых из всей толпы? Он что, такой избирательный?

– Я не знаю, – Сурков снова уткнулся в газету. – И тебе не советую знать. Пиши про праздник. Про ленточки и шарики. А с братом... я поговорю, чтобы тебе дали отгулы. Лечи его.

Это был приказ. Не лезть. Не копать.

Но Алиса уже не могла остановиться. Чувство вины перед Мишей смешалось с профессиональным азартом. Она доко-

пается до правды, чего бы ей это ни стоило.

Она вышла из редакции и набрала номер своего старого знакомого, фельдшера со «скорой» по имени Витька.

– Витек, привет, это Волкова. Нужна помощь.

Она встретила с ним в маленьком кафе на окраине города. Витька, худой и дерганый парень, постоянно озирался по сторонам.

– Алис, ты меня подставляешь. Нам строгий приказ дали – рты на замок.

– Мне нужна информация, Вить. Мой брат – один из них.

Она рассказала ему все. Витька слушал, хмурясь.

– Да, было четыре вызова. Почти одновременно, с девяти до одиннадцати вечера. Адреса все рядом, в квадрате вокруг парка. Симптоматика у всех одинаковая: внезапная потеря сознания на фоне полного здоровья. Мы их всех в реанимацию свезли. А утром пришло начальство и велело во всех картах писать предварительный диагноз: «отравление неустановленным веществом».

– Ты веришь в версию с газом?

Витька криво усмехнулся.

– Я двадцать лет на «скорой». Я видел всякое. Но такого – никогда. При отравлении газом есть симптомы: судороги, рвота, пена изо рта. А тут – ничего. Люди просто... выключились. Тихо и мирно. Словно уснули. Есть еще одна странность. У всех четверых была пониженная температура тела. Тридцать пять и четыре. Как при переохлаждении. Хотя в квартирах было тепло.

Переохлаждение. Алиса вспомнила ледяную руку Миши.

– Можешь дать мне имена и адреса остальных?

– Волкова, ты с ума сошла? Это врачебная тайна!

– Вить, пожалуйста. Мне это нужно не для статьи.

Она смотрела ему прямо в глаза, и он сдался. Продиктовал три фамилии и адреса, торопливо, шепотом.

Весь оставшийся день Алиса моталась по городу. Родители других пострадавших были напуганы и неразговорчивы. Они повторяли одно и то же: «врачи говорят, это отравле-

ние», «нам велели ни с кем не говорить». Но Алисе удалось вытянуть из заплаканной матери одной из девушек ключевую деталь. Ее дочь, Катя, тоже была вчера в парке. И тоже вернулась оттуда «какая-то странная, молчаливая».

Четыре жертвы. Все молодые. Все были в парке. У всех – необъяснимая кома и пониженная температура. А официальные власти проталкивают идиотскую версию с газом. Это уже не было похоже на совпадение. Это была система.

Вечером, обессиленная, она снова сидела у кровати Миши. Его лицо в сумерках казалось почти прозрачным. Писк аппаратуры отсчитывал секунды ее беспомощности. Она держала его холодную руку в своих и шептала:

– Я найду, Мишка. Слышишь? Я найду, что с тобой случилось. Я все исправлю.

Она достала ноутбук и открыла поисковик. Версия с газом – отвлекающий маневр. Инфразвук – слишком сложно для Сосновска. Оставалась музыка. Карусель. Нужно было узнать историю этого места. Кто его построил? Что здесь происходило раньше?

Она вбила в строку поиска: «История Городского парка Сосновск».

Среди десятков хвалебных статей о реставрации она нашла старую краеведческую заметку. Парк был заложен в конце XIX века купцом и меценатом Игнатом Орловым. «Семья Орловых, – говорилось в статье, – владела парком до самой революции. Их потомки до сих пор живут в Сосновске, в старом семейном доме на Заречной улице».

Орлов. Фамилия показалась ей знакомой. Она где-то ее слышала. И тут ее осенило. Вчера, на открытии, когда мэр толкал свою речь, он упомянул, что проект реставрации консультировал «молодой и талантливый архитектор, потомок основателей парка, Кирилл Орлов».

Алиса почувствовала, как внутри загорелся огонек. Это была ниточка. Тонкая, почти невидимая, но ниточка. Человек, чья семья создала это место, должен что-то знать. В его семейных архивах, в старых бумагах могли сохраниться ответы.

Завтра она поедет к нему.

Глава 3

Дом Орловых стоял на отшибе, там, где город уже сдавался на милость леса. Он был чужеродным элементом в пейзаже из силикатного кирпича и шиферных крыш. Старый, двухэтажный, из потемневшего от времени дерева, с резными наличниками и высокой, почти готической крышей. Он не выглядел заброшенным, но казался погруженным в глубокую, вековую дрему. Вокруг дома росли старые липы, их голые черные ветви переплетались в замысловатый узор на фоне свинцового неба. Было тихо, только ветер шелестел в оставшейся на ветках бурой листве, и этот звук походил на старческий шепот.

Кирилл Орлов сидел за огромным чертежным столом у окна, выходящего в сад. Он не чертил. Он просто смотрел на то, как серый свет медленно сочится сквозь стекло, заливая комнату меланхоличной дымкой. На столе лежал лист ватмана с набросками проекта – очередной безликий торговый центр для очередного безликого города. Он не мог заставить себя прикоснуться к карандашу. Линии не складывались, пространство не хотело оживать. Творческий кризис, как назвал это его московский психотерапевт. Но Кирилл знал, что дело не в этом. Он просто устал. Устал от бетона и стекла, от вечной гонки, от необходимости создавать функ-

циональные, но бездушные коробки. Поэтому он и вернулся сюда, в Сосновск. В этот дом, который был полной противоположностью всему, что он проектировал. В этот дом, где у каждой половицы был свой голос, а в каждом темном углу прятались тени его предков.

Он вернулся, чтобы обрести покой и тишину, но вместо этого нашел только тревогу. Город гудел, как растревоженный улей. Открытие парка, которое он консультировал, чисто формально, по просьбе мэрии, обернулось чем-то странным и пугающим. Слухи расползались по Сосновску быстрее осенней слякоти. Дети, впавшие в летаргический сон. Официальная версия про газ, в которую никто не верил. И неизменный рефрен во всех разговорах: «Это все парк проклятый. Орловский парк».

Кирилл старался не слушать. Он с детства привык к этим шепоткам за спиной. Семья Орловых в городском фольклоре занимала прочное место где-то между вурдалаками и колдунами. Проклятие. Смешное, архаичное слово. Его прадед, Игнат Орлов, был человеком прогрессивным, инженером, а не чернокнижником. Он построил парк для людей, для радости. А трагедия... трагедии случаются. Но городская молва превратила несчастный случай в готическую легенду. И вот теперь, спустя десятилетия, легенда, казалось, ожила.

Резкий звонок в дверь заставил его вздрогнуть. Он не ждал гостей. В Сосновске у него почти не было знакомых, а те, что были, знали, что приходить без предупреждения не стоит. Он нехотя спустился по скрипучей лестнице.

На пороге стояла девушка. Невысокая, в простой куртке и джинсах, с фотоаппаратом на шее. У нее были русые волосы, стянутые в небрежный узел, и очень усталые серые глаза. Но в этих глазах горел какой-то лихорадочный, упрямый огонь. Кирилл сразу понял – это не из местных. В ее взгляде была столичная цепкость и напор.

– Кирилл Орлов? – спросила она, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Допустим.

– Меня зовут Алиса Волкова, газета «Сосновский вестник». Мне нужно с вами поговорить.

Журналистка. Хуже не придумаешь. Сейчас начнутся вопросы про реставрацию, про «символ возрождения».

– Я не даю комментариев, – холодно отрезал он, собираясь закрыть дверь.

– Мой брат – один из тех, кто вчера впал в кому, – быстро сказала она, выставив руку вперед. – Он был в парке. Возле старой карусели. Я думаю, вы и ваша семья имеете к этому отношение.

Ее слова повисли в холодном воздухе. Кирилл замер. Он ожидал чего угодно, но не этого. Обвинение, брошенное так прямо, без обиняков, застало его врасплох. Он посмотрел на нее снова. Усталость в ее глазах была не просто от недосыпа. Это была усталость от страха и отчаяния. Он знал этот взгляд. Он видел его в зеркале.

– Проходите, – вздохнул он, отступая в сторону.

Она вошла в просторную, сумрачную прихожую и зябко повела плечами. Осмотрелась, цепко, по-журналистски, отмечая детали: потрескавшиеся портреты на стенах, старые часы с остановившимся маятником, запах пыли и лаванды.

– Я не предлагаю вам чай, потому что разговор, видимо, будет коротким, – сказал Кирилл, ведя ее в гостиную, заставленную тяжелой мебелью, накрытой белыми чехлами. – Я не знаю, что вы себе вообразили, но я архитектор. Я консультировал мэрию по вопросам планировки и безопасности новых объектов. К старой карусели я не имею никакого отношения. Ее вообще не должны были трогать.

– Ее тронули, – отрезала Алиса. – Кто-то починил музыкальный механизм. И теперь мой брат лежит в реанимации. И еще трое.

Она села на краешек стула, вся подавшись вперед. Энергия, исходившая от нее, была почти осязаемой. Она была как сжатая пружина.

– Я хочу знать историю этой карусели. Правдивую историю. Не ту, что пишут в краеведческих брошюрах. Я подняла архивы. В семидесятых там погибла девочка.

Кирилл молчал. Он прошел к окну и встал спиной к ней.

– Да, погибла. Аня Мельникова. Несчастный случай. Сломалось крепление одной из лошадок. Мой дед после этого закрыл парк на несколько лет. Он так и не оправился от этого.

– В городе говорят другое, – голос Алисы был настойчивым. – Говорят о проклятии.

Кирилл медленно обернулся. На его лице проступила горькая усмешка.

– Городские легенды. Вы, журналисты, должны любить такое. Это байка, которую моя бабушка рассказывала мне в детстве, чтобы я не ходил в заброшенный парк. Якобы, когда мой прадед строил эту карусель, он что-то там «потревожил», и теперь злой дух парка мстит, забирая детские души. Красивая страшилка для провинциального городка, не находите?

Он говорил с нарочитой иронией, пытаясь выставить ее и ее подозрения в смешном свете. Но Алиса не улыбнулась.

– А теперь эта страшилка отправила четырех человек в кому. Вы в это верите?

– Я верю в совпадения. В массовую истерию. В отравление, в конце концов. Во что угодно, но не в злых духов, – жестко ответил Кирилл. Он сам не понимал, почему так злится. Наверное, потому что ее слова попадали слишком близко к тому потаенному, иррациональному страху, который жил в нем с детства.

– Мне нужны документы. Архивы вашей семьи. Планы, дневники, что угодно, что может пролить свет на историю этого места, – Алиса перешла в наступление.

– Это частная собственность. И частная жизнь. Я не соби-

раюсь вываливать историю своей семьи перед прессой только потому, что у вас разыгралось воображение.

– У меня брат умирает! – ее голос сорвался на крик. В нем было столько боли и отчаяния, что Кирилл невольно отшатнулся. – А вы стоите тут и рассуждаете о частной жизни! Ваша семья построила это место. Ваша семья несет за него ответственность. Если вы ничего не знаете или боитесь знать, то так и скажите!

Она резко встала. Ее глаза горели. На мгновение Кириллу показалось, что она сейчас ударит его. Но она лишь сжала кулаки.

– Я найду ответы и без вас.

Она развернулась и пошла к выходу. Хлопнула тяжелая входная дверь.

Кирилл остался один в гулкой тишине. Ее слова – «ваша семья несет ответственность» – продолжали звучать у него в голове. Он подошел к старому портрету, висевшему над камином. С потемневшего холста на него смотрел его прадед, Игнат Орлов. Человек с волевым подбородком, строгим взглядом и густыми усами. Инженер, строитель, человек разума и прогресса. Мог ли такой человек верить в духов и

проклятия?

Кирилл всегда считал эту историю бредом. Способом, которым крестьяне и мещане объясняли то, чего не могли понять. Способом очернить его семью, успешную, богатую, чужую для этого города. Он гнал от себя эти мысли, эти детские страхи. Он уехал в Москву, чтобы строить новый мир из стекла и стали, чтобы доказать себе и всем, что он не имеет ничего общего с этими пыльными легендами.

Но он вернулся. И легенды, казалось, ждали его здесь.

Визит этой девушки, Алисы, всколыхнул что-то на самом дне его души. Что-то, что он так старательно пытался похоронить. Воспоминание. Ему лет семь. Бабушка сидит у его кровати и шепчет, чтобы он никогда, никогда не подходил к старой карусели. «Она поет, Кирюша, – говорила она, и ее глаза были полны настоящего, невыдуманного ужаса. – Она поет, когда голодна. И ее песня – для детей. Не слушай ее».

Он тогда не понял, но запомнил этот ужас в ее глазах.

Кирилл прошел по дому, касаясь кончиками пальцев старых вещей. Этот дом был не просто зданием. Это был архив. Хранилище памяти. Он не любил чердак. Там было слишком много прошлого. Сваленные в кучу вещи трех поколений его

семьи. Сломанные игрушки, старые платья, сундуки с письмами. И где-то там, он знал, лежали бумаги прадеда. Чертежи, расчеты, дневники. Он никогда их не разбирал. Ему было неинтересно. А может, просто страшно.

Он постоял у лестницы, ведущей наверх, в пыльный полумрак чердака. Нет. Это глупости. Девушка просто в истерике, ищет виноватых. Ее можно понять. Но это не имеет к нему никакого отношения.

Он вернулся к своему чертежному столу. Лист ватмана был по-прежнему девственно чист. Кирилл взял карандаш, но рука его дрожала. Он не мог думать о торговом центре. Он думал о четырех молодых людях, которые лежат в больнице и не могут проснуться. Он думал о девушке с горящими от отчаяния глазами. И он думал о тихой, едва слышной музыке, которую, как ему казалось, он иногда слышит по ночам, когда ветер гудит в старых печных трубах его дома.

Глава 4

Вылетев из дома Орловых, Алиса чувствовала, как внутри все кипит от ярости и бессилия. Этот Кирилл, со своей аристократической хандрой и высокомерным скепсисом, вывел ее из себя. «Частная жизнь», «городские легенды»... Он сидит в своем пыльном склепе, отгородившись от мира, пока ее брат лежит при смерти. Ответственность. Она была права, это его ответственность, ответственность его семьи. Но доказать это было невозможно.

Она села в свою старую, дребезжащую «девятку» и несколько минут просто сидела, вцепившись в руль и пытаясь унять дрожь. Гнев уходил, оставляя после себя лишь холодную, пустую усталость. Криками и обвинениями делу не поможешь. Орлов заперся в своей башне из слоновой кости, и вытащить его оттуда она не сможет. Значит, нужно действовать самой.

Ее путь лежал в городской архив. Он ютился в подвале бывшей библиотеки – сырое, плохо освещенное помещение, где время, казалось, остановилось и начало гнить. Пахло кислым запахом старой бумаги и мышами. За столом сидела архивариус, необъятных размеров женщина в шерстяной кофте, поглощавшая чай с сушками.

– Мне нужны подшивки «Сосновского вестника» за семьдесятые, – сказала Алиса, предъявив журналистское удостоверение.

Женщина смерила ее неодобрительным взглядом, дождалась сушку и, тяжело вздохнув, удалилась в лабиринты стеллажей. Вернулась она с огромной, тяжелой папкой, перевязанной бечевкой, и бросила ее на стол так, что в воздухе поднялось облако пыли.

– Ищите.

Алиса развязала бечевку и открыла папку. Страницы пожелтели, края осыпались. Она погрузилась в прошлое. Передовицы о выполнении пятилетки, отчеты с полей о битве за урожай, заметки о победителях соцсоревнований. Сухая, безжизненная хроника эпохи, в которой не было места трагедиям и необъяснимым событиям. Она листала страницу за страницей, месяц за месяцем. Глаза устали от мелкого, выцветшего шрифта. Она искала любое упоминание парка, несчастного случая, гибели ребенка.

Прошел час, потом второй. Архивариус демонстративно поглядывала на часы. Алиса уже была готова сдаться. Возможно, эту историю и правда замолчали так тщательно, что

не осталось и следа. И тут, в номере за август 1978 года, на последней полосе, в разделе коротких новостей, она увидела это.

Заметка была крошечной, не больше десяти строк. Без заголовка. Просто несколько предложений, затерявшихся между сообщением о ремонте водопровода и анонсом шахматного турнира.

«Десятого августа в Городском парке культуры и отдыха произошел несчастный случай. В результате технической неисправности одного из аттракционов получила травмы, несовместимые с жизнью, Мельникова Анна, 1968 года рождения. По данному факту ведется проверка. Администрация города выражает глубокие соболезнования родным и близким погибшей».

И все. Никаких подробностей. Никаких фотографий. Сухой, казенный язык, которым пишут о досадном происшествии, о статистической погрешности. Но Алиса, читая эти строки, чувствовала, как по спине ползет холод. «Техническая неисправность». Так просто. Но за этой формулировкой скрывалась чья-то оборвавшаяся жизнь. Жизнь десятилетней девочки. Аня Мельникова. Она повторила это имя про себя. Теперь у призрака прошлого было имя.

Алиса осторожно сфотографировала заметку на телефон. Это было мало. Это был лишь факт, констатация. Ей нужны были эмоции, детали, свидетельства. Кто-то должен был помнить тот день. Друзья Ани, соседи, работники парка. Но как их найти спустя сорок с лишним лет?

Она вернулась в редакцию. Сурков, увидев ее, лишь махнул рукой, давая понять, что не хочет ничего слышать. Алиса села за свой компьютер и начала работать. Она пробивала фамилию «Мельникова» по всем доступным базам. Искала в старых телефонных справочниках, в социальных сетях. Часы уходили, а результат был нулевой. Люди переезжали, меняли фамилии, умирали. Никаких следов семьи Ани в Сосновске не осталось.

Она чувствовала, как ее охватывает отчаяние. Она уперлась в стену. И тут ей в голову пришла мысль. Работники парка. Кто-то же должен был там работать в те годы. Смотрители, кассиры, техники. Их имена вряд ли где-то сохранились, но должен же быть хоть кто-то, кто помнит.

Алиса открыла на ноутбуке старые фотографии парка советских времен, которые нашла на краеведческом форуме. Вот дети на качелях, вот пара ест мороженое на скамейке. Она всматривалась в лица на заднем плане, пытаясь разглядеть людей в униформе. И на одной из фотографий, сделан-

ной как раз у карусели, она увидела его. Мужчина в синей спецовке, с усами и усталым лицом, проверял какой-то механизм. Под фотографией была подпись: «Смотритель парка Семен Петрович за работой. 1982 год».

Семен Петрович. Фамилии не было, но было имя и должность. Он работал там уже после трагедии. Но он точно должен был знать всю подноготную, все слухи и тайны парка. Если он еще жив и живет в Сосновске, он – ее единственный шанс.

Найти человека в провинциальном городе, зная только его имя и примерный возраст, было задачей не из легких, но Алиса включила все свои журналистские навыки. Она обзвонила пенсионный фонд, совбес, совет ветеранов. Представлялась то сотрудницей социальной службы, то дальней родственницей. Врала, изворачивалась, давила на жалость. И через несколько часов у нее был адрес. Семен Петрович Ключев, 82 года, проживает в частном секторе на самой окраине города, на Лесной улице.

Было уже темно, когда Алиса подъехала к указанному дому. Это был маленький, вросший в землю домик с покосившимся забором. В одном окне горел тусклый желтый свет. Сердце Алисы колотилось. Она не знала, что скажет этому человеку. Как заставить его говорить о событиях полувеко-

вой давности, которые, скорее всего, он предпочел бы забыть?

Она постучала в хлипкую дверь. За дверью послышалось шарканье, потом долго возились с замком. Дверь приоткрылась на ширину цепочки, и в щель на нее посмотрели выцветшие, испуганные глаза. Это был он. Только сейчас это был сгорбленный, высохший старик, в котором едва угадывался тот мужчина с фотографии.

– Что вам? – голос был дребезжащим, старческим.

– Семен Петрович Ключев? Меня зовут Алиса Волкова, я журналист.

При слове «журналист» глаза старика расширились от ужаса.

– Уходите! Ничего я не знаю! Ни с кем я не говорю! – он попытался захлопнуть дверь.

– Подождите! – Алиса придержала дверь рукой. – Я не про реставрацию. Я про то, что было раньше. Про девочку. Про Аню Мельникову.

Имя подействовало, как удар. Старик замер, его лицо ис-

казилось. Он смотрел на нее так, словно она была призраком из прошлого.

– Откуда вы... Уходите, девушка. Не надо это ворошить. Плохо будет.

– Мне нужно знать, что тогда случилось! – Алиса повысила голос, чувствуя, что он сейчас закроет дверь, и она упустит свой единственный шанс. – В городе опять беда! Дети в больнице! Это связано, я знаю! Что там с каруселью? Что за музыка?

Семен Петрович затрясся. Он оглянулся через плечо, словно в темной комнате за ним кто-то стоял. Потом снова посмотрел на Алису, и в его глазах была мольба.

– Ее нельзя было возвращать, – прошептал он так тихо, что Алиса едва расслышала. – Нельзя было. Она ее разбудит. Хозяйку...

– Кого разбудит? Какую хозяйку? Музыка?

Но старик уже не слушал. Панический ужас захлестнул его. Он рванул дверь на себя.

– Уходите! Прошу вас, уходите!

Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Алиса осталась одна в темноте, перед запертой дверью. Она колотила в нее, звала его, но в ответ была лишь тишина.

Она медленно побрела к машине. Слова старика эхом звучали в ее голове. «Ее нельзя было возвращать». Музыку. «Она разбудит Хозяйку». Кто такая эта Хозяйка? Призрак погибшей Ани? Или что-то еще? Что-то, чего старый смотритель боится даже спустя сорок лет.

Рациональные объяснения трещали по швам. Версия с газом рассыпалась в прах. Массовая истерия не объясняла кому. Оставалось только то, во что она так отчаянно отказывалась верить. Сверхъестественное.

Она села в машину, и ее пробила дрожь. Не от холода. От страха. Настоящего, липкого страха, который она испытывала впервые в жизни. Она больше не была журналистом, ведущим расследование. Она была сестрой, чей брат стал жертвой чего-то древнего и непонятного. И она была одна против этого.

Внезапно зазвонил телефон. Неизвестный номер. Она с содроганием ответила.

– Алло?

– Алиса Волкова? – голос на другом конце был мужским, знакомым. Низкий, с нотками усталости. – Это Кирилл Орлов. Я думаю, нам нужно поговорить. Я кое-что нашел.

Глава 5

Алиса гнала машину по ночным улицам Сосновска, не разбирая дороги. Звонок Орлова был спасательным кругом, брошенным в тот самый момент, когда она уже готова была пойти ко дну в пучине страха и отчаяния. Она снова повернула к его дому, на этот раз не как проситель, а как союзник, которого позвали на помощь. Но слова старого смотрителя не выходили у нее из головы. «Хозяйка». Это слово царапало сознание, как осколок стекла. В нем не было ничего детского или призрачного. От него веяло чем-то древним, хтоническим, как от сырой земли в осеннем лесу.

Она снова стояла у его двери, но на этот раз ее не заставили ждать. Кирилл открыл почти сразу, словно поджидал у входа. Он был без своего аристократического холода, в его глазах читалась тревога и что-то еще – растерянность человека, чей привычный мир рухнул.

– Проходите, – сказал он тише, чем в прошлый раз. – Я был неправ. Вы... вы были правы.

Он провел ее не в холодную гостиную, а в свой кабинет. Огромная комната, заставленная стеллажами с книгами по архитектуре и истории. В центре – чертежный стол, на кото-

ром вместо ватмана лежал большой, пожелтевший от времени лист бумаги.

– Что вы нашли? – спросила Алиса без предисловий.

– Это, – он указал на лист. – Генеральный план парка. Оригинал, начерченный моим прадедом в 1898 году.

Алиса подошла ближе. Это был не просто чертеж. Это была настоящая карта, произведение инженерного искусства. Аккуратные линии аллей, прорисованные до мельчайших деталей павильоны, пруд, мостики. И в центре – она. Карусель. Она была прорисована особенно тщательно, с какой-то почти маниакальной детализацией. Но не это поразило Алису. Вокруг изображения карусели, образуя почти идеальный круг, были нанесены странные символы. Они не были похожи ни на буквы, ни на цифры. Это были замысловатые знаки, состоящие из переплетения прямых и ломаных линий. Что-то среднее между рунами и какими-то первобытными петроглифами.

– Что это? – прошептала она.

– Я не знаю, – признался Кирилл. Он провел рукой по волосам, взъерошив их. – Я нашел это на чердаке. Я всегда думал, что мой прадед был инженером до мозга костей. Раци-

оналистом. Он презирал любые суеверия. Но тогда что это? Это не похоже на технические пометки. Это... что-то другое. Они как будто образуют барьер. Защитный круг. И в центре этого круга – карусель.

Он посмотрел на Алису, и в его взгляде она увидела отражение собственного страха.

– Мой визит заставил вас полезть на чердак? – спросила она, чтобы нарушить повисшую тишину.

– Ваш визит заставил меня перестать врать самому себе, – глухо ответил он. – Я всю жизнь отмахивался от этих историй. Считал их проклятием, которое мешает мне жить. Но что, если это было не проклятие, а предупреждение?

Алиса рассказала ему о своем походе в архив, о крошечной заметке, об имени – Аня Мельникова. А потом – о встрече с Семеном Петровичем. Когда она произнесла слова старика – «Она разбудит Хозяйку», – Кирилл вздрогнул.

– Он так и сказал? «Хозяйку»?

– Да. Вы знаете, что это значит?

Кирилл отошел к книжным полкам и долго рылся на од-

ной из них. Наконец он вытащил тонкую, потрепанную книгу в простом картонном переплете. «Фольклор и верования Сосновского уезда. Издание 1889 года».

– Это из библиотеки прадеда. Он собирал местный фольклор. Я думал, из чистого краеведческого интереса. – Он быстро пролистал страницы. – Где-то здесь было... Вот. – Он начал читать вслух, его голос звучал в тишине кабинета странно и торжественно. – «Среди крестьян бытует поверье о духе-хранителе здешних мест, так называемом Хозяине или Хозяйке Холода. Это древняя, дохристианская сущность, привязанная к земле, особенно к болотистым низинам и сосновым борам. Считается, что дух этот не зол и не добр по своей природе, но крайне не терпит, когда тревожат его покой. Разбуженный, он способен насылать на людей и скот хвори, отнимать тепло и жизненную силу, погружая своих жертв в „ледяной сон“, от которого нет пробуждения...»

Он замолчал, подняв на Алису глаза. «Ледяной сон». Пониженная температура тела у всех жертв. Все сходилось. Сходилось в чудовищную, иррациональную картину.

– Ваш прадед, – медленно проговорила Алиса, – построил парк прямо посреди соснового бора.

– Да, – кивнул Кирилл. – Он осушил часть болот, вырубил

деревья. Он «потревожил покой», как сказано в этой книге. А потом... он начертил эти знаки вокруг карусели. Словно пытался запечатать что-то в центре, или, наоборот, защитить это место от чего-то извне.

– Но почему именно карусель? – спросила Алиса. – Почему не весь парк?

– Не знаю. Может, это место было особенным? Центром силы этого... духа? Или, – Кирилл нахмурился, – или он сам что-то сделал там. Что-то, что потребовало таких мер предосторожности.

Они долго молчали, глядя на старый чертеж. Карта, которая должна была нести порядок и ясность, превратилась в карту теней, в схему древнего ужаса.

– Старик, Семен Петрович, – нарушила молчание Алиса. – Он знает больше. Он был там, когда погибла Аня. Он что-то видел. Но он смертельно напуган. Он не будет говорить.

– Может, если мы придем к нему вдвоем... – начал Кирилл.

– Нет, – покачала головой Алиса. – Он боится не нас. Он

боится ее. «Хозяйки». Он уверен, что она проснулась. И любое слово об этом может навлечь на него ее гнев. Он – хранитель. Хранитель страшной тайны, которую он вынужден нести в себе всю жизнь.

Она вспомнила его трясущиеся руки, его панический ужас. Этот страх был слишком реальным, чтобы его можно было преодолеть уговорами. Этот человек десятилетиями жил в ожидании, что кошмар вернется. И он вернулся.

– Что нам делать? – спросил Кирилл. Это был не вопрос архитектора или потомка знатного рода. Это был вопрос растерянного человека, столкнувшегося с необъяснимым.

– Нам нужно в парк, – решительно сказала Алиса. – Сегодня ночью. Мы должны увидеть все своими глазами. Почувствовать. Понять, с чем мы имеем дело.

Кирилл посмотрел на нее с сомнением.

– Это может быть опасно. Вы же сами говорили, ваш брат... его словно притянуло туда.

– Поэтому вы пойдете со мной, – твердо сказала Алиса. – Вы – Орлов. Эта земля, этот парк – часть вашей истории. Может быть, на вас это подействует иначе. Или вы сможете

меня удержать, если что-то пойдет не так. А сидеть сложа руки я больше не могу. Каждая минута промедления – это еще один шанс для этой... твари... забрать моего брата навсегда.

В ее голосе звенела сталь. Кирилл смотрел на нее и понимал, что она не отступит. И он не мог позволить ей пойти одной. Не после того, что он увидел на этом чертеже. Ответственность, о которой она кричала ему в лицо несколько часов назад, теперь ощущалась им как физический груз на плечах. Это была ответственность не только за грехи предков, но и за эту отчаянную, упрямую девушку.

– Хорошо, – кивнул он. – Ночью. Когда город уснет.

Алиса ушла, оставив Кирилла наедине с его семейными призраками и старым планом. Он снова и снова всматривался в таинственные руны, пытаясь разгадать их смысл. Они были одновременно и хаотичными, и упорядоченными. В них чувствовалась логика, но логика чуждая, нечеловеческая. Он, архитектор, привыкший мыслить в категориях форм и структур, чувствовал, что перед ним тоже структура. Магическая, оккультная, но все же структура. Ограда. Клетка.

И кто-то, во время недавней реставрации, повредил эту клетку. Или просто смазал пыль с замка, и ржавый меха-

низм, простоявший в бездействии десятилетия, снова пришел в движение.

Он подошел к окну. Ветер качал голые ветви лип. Ему показалось, что вместе с шелестом ветра он слышит далекую, едва уловимую мелодию. Простую, как колыбельная. И бесконечно, хищно голодную.

Глава 6

После ухода Алисы дом перестал быть убежищем. Тишина, которую Кирилл так ценил, стала давящей, звенящей. Каждый скрип старых половиц звучал как чей-то шаг, каждая тень в углу казалась живой. Он сидел над планом прадеда, и руны плясали у него перед глазами, складываясь в бессмысленные и зловещие узоры. Он, человек, чья профессия заключалась в том, чтобы подчинять пространство логике и гармонии, смотрел на карту, где логика уступала место чистому, первобытному страху.

Его мучила совесть. Та язвительная холодность, с которой он встретил Алису в первый раз, теперь казалась ему постыдной и жалкой. Он защищался. Защищал свой хрупкий, выстроенный мир от вторжения хаоса, от прошлого, которое он так хотел оставить позади. Но прошлое не ушло. Оно жило в стенах этого дома, в трещинах на портретах, в пожелтевших страницах книг. И теперь оно вырвалось наружу, в город.

Он не мог больше сидеть на месте. Беспокойство гнало его, заставляло ходить из комнаты в комнату. Он поднялся на второй этаж, прошел по длинному коридору мимо закрытых комнат, где никто не жил уже полвека. Его ноги сами привели его к лестнице на чердак. Той самой лестнице, ко-

торой он избегал с самого возвращения в Сосновск.

Чердак был царством забвения. Плотные слои пыли покрывали все, как саван. Воздух был спертый, пахло тленом и временем. В луче света, пробивавшемся сквозь единственное слуховое окно, кружились мириады пылинок, словно души забытых вещей. Мебель под белыми покрывалами походила на процессию призраков. Здесь было все, что его семья не смогла забрать с собой в новую жизнь или не захотела выбросить. Детские санки, манекены в платьях *belle époque*, ящики с елочными игрушками, которые помнили еще дореволюционное Рождество.

План парка он нашел почти случайно, в тубусе, завалившемся за старый комод. Но теперь он чувствовал, что пришел сюда не за этим. Он пришел за чем-то еще. За ответом.

Его взгляд упал на большой кованый сундук, стоявший в самом дальнем углу. Он был покрыт толстым слоем грязи и паутины. Кирилл помнил этот сундук. Бабушка говорила, что он заперт, а ключ давно потерян. И что в нем нет ничего интересного, только старые деловые бумаги прадеда. «Не трогай, Кирюша, там одна скука», – говорила она. Но почему-то говорила это с тревогой в голосе.

Кирилл подошел к сундуку. Замок был массивный, ржа-

вый. Он подергал его – бесполезно. Тогда он осмотрелся, нашел в углу старую кочергу и, используя ее как рычаг, с силой навалился на петли. Раздался оглушительный скрежет ржавого металла и треск сухого дерева. Одна из петель поддалась. Он просунул пальцы в образовавшуюся щель и с усилием поднял тяжелую крышку.

В нос ударил запах старой кожи, сургуча и еще чего-то – едва уловимого, сладковато-пряного, похожего на запах ладана. Внутри, аккуратными стопками, лежали бухгалтерские книги, счета, какие-то контракты. Скука, как и говорила бабушка. Кирилл начал разочарованно перебирать бумаги. И на самом дне, под толстой кипой счетов за кирпич и цемент, он нашел его.

Это был толстый дневник в кожаном переплете с тисненными золотыми инициалами «И.О.». Игнат Орлов. Кирилл осторожно взял его в руки. Кожа была холодной и гладкой на ощупь. Он открыл первую страницу.

Почерк прадеда был бисерным, каллиграфическим, но по мере того, как Кирилл листал страницы, он становился все более нервным, рваным. Записи велись с 1895 по 1900 год. Первые страницы были полны энтузиазма и амбициозных планов. Игнат Орлов описывал свою мечту – построить в захолустном Сосновске парк, не уступающий столич-

ным. «Островок цивилизации и просвещения среди дремучего невежества», – писал он. Он подробно описывал закупку саженцев, проектирование павильонов, заказ аттракционов из самой Европы.

Но постепенно тон записей менялся. Появились тревожные нотки. Дела шли не так хорошо, как он рассчитывал. Местные подрядчики воровали, рабочие пили, погода портила дорогие саженцы. Проект оказался на грани разорения. Игнат впадал в отчаяние. «Город не принимает мой дар, – писал он. – Эта земля, дикая и косная, отторгает все новое, все светлое. Она словно защищается, насылая на меня неудачи».

А потом Кирилл дошел до записей, от которых у него по спине поползли мурашки.

«12 мая 1898 года. Разговаривал сегодня со стариком-возницей. Он, смеясь, сказал, что я строю свой парк на „гиблом месте“, на земле Хозяина Холода, и что дух никогда не простит мне потревоженного покоя. Глупые суеверия! Я человек науки. Но слова его запали мне в душу. Все мои начинания рушатся, словно невидимая рука ломает их одно за другим».

«20 мая 1898 года. Я на грани банкротства. Банк грозит отобрать все имущество. Моя мечта превращается в пепел.

Я готов на все, чтобы спасти ее. На все».

Следующая запись была сделана другим почерком, торопливым, почти неразборчивым.

«1 июня 1898 года. Она сказала, что духа можно не только разозлить, но и задобрить. Сделать его хранителем, а не разрушителем. Она дала мне знаки. Она сказала, что нужен ритуал. Простой ритуал, чтобы призвать его и заключить договор. Она – ведунья, последняя в этих краях. Люди ее боятся, но я в отчаянии. Ее зовут Аграфена. Она говорит, что дух земли – это сила, и эту силу можно направить в нужное русло».

Кирилл лихорадочно листал дальше. Дневник превращался в хронику безумия. Его прагматичный, рациональный прадед погружался в пучину мистицизма. Он описывал, как ночами ходил в лес, чертил на земле знаки, которые дала ему ведунья, читал какие-то древние заклинания, смысл которых сам до конца не понимал.

«15 июня 1898 года. Сегодня ночь летнего солнцестояния. Аграфена сказала, что это лучшее время. Я должен пойти к центру болота, к старому идолищу, что стоит там с незапамятных времен. Я должен принести дар и попросить духа стать хранителем моего парка, моего детища. Взамен я обе-

щаю ему... служение. Я не совсем понял, что она имела в виду. Но я сделаю это. У меня нет другого выбора».

Последняя запись на эту тему была короткой, написанной дрожащей рукой. Буквы плясали, чернила расплылись, словно на страницу капнули слезы.

«16 июня 1898 года. Боже, что я наделал. Я разбудил не хранителя. Я разбудил голод. Оно пришло. Оно не имело облика, оно было самым холодом, самой тьмой. Оно требовало плату. Не символический дар, не клятву. Оно требовало живое. Теплое. Чистое. Оно требовало душу. Я в ужасе бежал, прервав ритуал. Но я чувствую, что оно здесь. Оно ждет. Я открыл дверь, которую нельзя было открывать. Теперь я должен построить замок. Запереть его. Запечатать. Навеки».

Кирилл захлопнул дневник. Его руки дрожали. Все встало на свои места. Карусель. Она была построена не для радости. Она была замком. Тюрьмой. А руны на плане – это прутья решетки, магической клетки, построенной его обезумевшим от ужаса предком, чтобы сдержать то, что он сам выпустил на волю. Игнат Орлов не просто «потревожил покой». Он попытался заключить сделку с древней силой, но не рассчитал цену. И расплачиваться за это пришлось десятилетиями. Сначала – гибелью невинной девочки, чей крик, видимо, ослабил печать. А теперь – жизнями новых жертв, пото-

му что кто-то неумелый и несведущий во время «реставрации» сломал замок на этой тюрьме.

Он сидел на пыльном чердаке, в окружении призраков прошлого, и чувствовал ледяное дыхание этого прошлого на своем затылке. Это больше не было городской легендой. Это была история его семьи. Его личная история. И его ответственность.

Он достал телефон. Пальцы плохо слушались. Он нашел в списке вызовов ее номер. Алиса Волкова. Девушка с глазами, полными отчаяния. Он был должен ей правду. Он был должен ей помощь.

– Алиса Волкова? – сказал он, когда она ответила. – Это Кирилл Орлов. Я думаю, нам нужно поговорить. Я кое-что нашел.

Он не стал рассказывать ей все по телефону. Такие вещи не говорят по телефону. Такие вещи можно рассказать, только глядя в глаза человеку, который, как и ты, заглянул в бездну и не отшатнулся.

Глава 7

Они встретились у бокового входа в парк, там, где забор был подломан и зиял черной дырой. Ночь была безлунной и промозглой. Фонари на прилегающей улице горели тускло, их желтый свет тонул в густой, влажной темноте. Город затих, погрузился в сон. Только они вдвоем, два случайных союзника, готовились шагнуть в самое сердце его кошмара.

Алиса приехала первой. Она сидела в машине, курила одну сигарету за другой и смотрела на темную громаду парка. Днем он казался просто запущенным, меланхоличным. Ночью он превращался в нечто иное. Он дышал. Медленно, глубоко, как огромное спящее чудовище.

Кирилл появился бесшумно, словно тень. На нем была темная куртка с поднятым воротником, лицо почти скрыто в тени. В руках он держал большой фонарь.

– Готовы? – спросил он тихо. Его голос был спокоен, но Алиса уловила в нем напряжение.

Она кивнула, выбросив сигарету.

– Давно готова.

Они пролезли через дыру в заборе. Внутри парка темно-та сгустилась, стала почти осязаемой. Запахи обострились: прелая листва, сырая земля, хвоя. И холод. Он был другим, не таким, как на улице. Более плотным, проникающим под одежду, до самых костей.

Кирилл включил фонарь. Яркий луч выхватил из мрака знакомые Алисе с детства силуэты. Ржавые качели-лодочки, застывшие в вечном взлете. Кабинки «Колеса обозрения», похожие на виселицы. В свете фонаря они казались скелетами доисторических тварей, застывших в парке юрского периода. Ветер гудел в конструкциях, и этот звук был похож на протяжный стон.

Они шли молча, стараясь не шуметь. Их шаги тонули в ковре из мокрых листьев. Алиса держалась рядом с Кириллом, чувствуя себя немного спокойнее от его присутствия. Он, выросший с этими легендами, казался здесь более уместным, чем она, со своим рациональным умом, который сейчас отчаянно цеплялся за остатки логики.

– Мой прадед ошибся, – вдруг сказал Кирилл, не останавливаясь. Его голос в тишине прозвучал оглушительно громко. – Он думал, что сможет управлять этой силой. Но такие силы нельзя контролировать. Можно только попытаться от-

городиться от них.

— И у него почти получилось, — отозвалась Алиса. — Почти на сто лет.

Чем ближе они подходили к центру парка, тем сильнее становился холод. Он уже не просто пробирал до костей. Он словно сгущался в воздухе, затрудняя дыхание. Алиса заметила, что на траве появился иней, хотя на улице была плюсовая температура. Белесые, игольчатые кристаллики хрустели у них под ногами.

И тут она ее услышала.

Сначала это был лишь призыв, тонкая нотка, вплетенная в шепот ветра. Но постепенно она становилась все отчетливее. Та самая мелодия. Простая, как колыбельная. Она доносилась со стороны поляны, где стояла карусель. Но сейчас в ней не было ничего убаюкивающего. Она звучала как зов. Как обещание.

Алиса посмотрела на Кирилла. Он тоже слышал. Его лицо напряглось, он крепче сжал фонарь.

Они вышли на поляну. Карусель в темноте казалась еще больше и зловещее. Она не была освещена, но казалось, что

само дерево, из которого были сделаны лошадки, источает слабое, фосфорическое сияние. Их нарисованные глаза в темноте казались черными провалами. Они смотрели. Алиса была уверена в этом. Они смотрели прямо на них.

Музыка теперь звучала громко, она заполняла собой все пространство. Она вибрировала в воздухе, проникала в тело, заставляя вибрировать что-то внутри. Алиса почувствовала, как уходит страх. На его место приходило странное, тягучее спокойствие. Мысли в голове замедлились, стали вязкими. Вся ее боль, ее вина перед Мишей, ее отчаяние – все это начало отступать, растворяться в этой простой, незамысловатой мелодии.

Она сделала шаг к карусели. Потом еще один.

Она видела Мишу. Он лежал в своей больничной палате, такой бледный и неподвижный. Но вот он открывает глаза, улыбается ей. Он говорит: «Иди сюда, Алис. Тут хорошо. Тут нет боли».

Сигнальная лента была совсем близко. Ей захотелось перешагнуть через нее. Подойти к одной из лошадок, прикоснуться к ее холодной, гладкой шее. Сесть в седло. И пусть карусель кружится. Вечно. В этой тишине, в этом покое.

– Алиса!

Голос Кирилла донесся словно издалека, сквозь вату. Она не хотела его слышать. Он мешал. Он пытался разрушить это хрупкое, прекрасное забвение.

Она уже протянула руку, чтобы коснуться облупившейся гривы ближайшей лошадки. Ее пальцы были в сантиметре от дерева.

И в этот момент сильная рука схватила ее за плечо и резко дернула назад.

Заклятие рухнуло. Музыка снова стала просто звуком – навязчивым, неприятным. Покой исчез, сменившись ледяным ужасом от осознания того, что сейчас произошло. Она стояла, тяжело дыша, и смотрела на Кирилла. Его лицо было бледным, в глазах плескался страх.

– Не подходи к ней, – выдохнул он. – Она зовет. Она почти тебя забрала.

– Я... я не знаю, что на меня нашло, – пролепетала Алиса. Ее колотило. Она поняла, что чувствовали все эти люди. Миша. Это была не просто музыка. Это был гипноз, ментальная атака. Сладкий яд, который обещал избавление от

страданий, а на деле дарил вечный сон.

– Это холод, – сказал Кирилл, не отпуская ее плеча. – Он проникает в разум, замораживает волю. Я... я представлял себе руны с карты. Представлял, что они окружают меня. Это помогло.

Они попятились с поляны, не сводя глаз с карусели, словно боялись, что она бросится за ними в погоню. Когда они отошли на достаточное расстояние, музыка снова стала тише, превратилась в едва слышный фон. Холод немного отступил.

Они выбрались из парка и остановились под тусклым светом уличного фонаря, пытаясь прийти в себя. Их дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара.

– Теперь ты веришь? – спросила Алиса тихо.

Кирилл посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом.

– Я не верю. Я знаю. Мы имеем дело с чем-то, что не подчиняется законам физики. С чем-то, что питается человеческими душами. И мой прадед, будь он проклят, сам выпустил это на свободу.

Они стояли молча. Общий ужас, который они пережили там, на поляне, стер все противоречия между ними. Больше не было журналистки и архитектора, скептика и жертвы. Были только два человека, которые заглянули в глаза древнему злу. И поняли, что бороться с ним в одиночку – самоубийство.

– Мы должны найти способ это остановить, – сказала Алиса. Ее голос был твердым, в нем снова появилась сталь. Пережитый ужас не сломил ее, а наоборот, закалил ее решимость.

– Дневник прадеда, – сказал Кирилл. – Там должны быть ответы. Он не мог просто построить тюрьму, не оставив инструкции, как с ней обращаться. Или как ее уничтожить. Я должен прочесть его от корки до корки. Каждое слово.

Они разошлись. Но теперь это было не бегство друг от друга. Это было тактическое отступление. Им нужно было время, чтобы осмыслить произошедшее и подготовиться к следующему шагу. Потому что они оба понимали: это была лишь разведка боем. Настоящая битва была впереди. И она будет страшной.

Глава 8

Кирилл вернулся в свой дом, но не узнавал его. Прежде молчаливый и надежный, как старый друг, теперь он казался чужим и враждебным. Стены, пропитанные историей его рода, больше не защищали – они давили, напоминая о том, что он часть этой истории, ее наследник, ее заложник. Холод, принесенный из парка, не отпускал. Он забился под кожу, поселился в легких, и каждый вдох отдавался ледяным покалыванием. Кирилл не стал зажигать свет в гостиной. Он прошел в свой кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, словно мог отгородиться от призраков, заполнивших дом.

На столе, в круге света от настольной лампы, лежал дневник прадеда. Толстый, в кожаном переплете, он походил на гроб, в котором были похоронены тайны целого столетия. Кирилл сел в кресло, но не спешил открывать его. Он смотрел на тисненые инициалы «И.О.» и пытался представить себе этого человека. Игната Орлова. Строителя, мецената, человека новой эпохи, чье лицо на портрете дышало уверенностью и силой. И этого другого Игната – сломленного, напуганного, втянутого в сделку с первобытным ужасом. Какой из них был настоящим? Или, что страшнее, они оба были одним и тем же человеком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.